

# Три балета Стравинского

недавно, а за плечами «Жар-птицы» и «Петрушки» — более пятидесяти лет. Но насколько ранние балеты Стравинского пол-

ИГОРЮ Стравинскому восемьдесят лет. Как и многие композиторы нашего века, Стравинский прошел очень сложный, извилистый путь и на каждом повороте этого пути «сжигал то, чему поклонялся, и поклонялся тому, что сжигал». Начав как ученик Римского-Корсакова, пройдя через увлечения всевозможными формальными поисками, он пришел к самым модным «левым» направлениям современной западной музыки.

Первые балеты Стравинского «Жар-птица» и «Петрушка» про-

извели ошеломляющее впечатление и сразу принесли ему мировое признание. Русская сказка, хотя и поданная через восприятие художников «Мира искусства» с их поэтизацией старины, «варварства», с их несколько театральным, декоративным ощущением быта, за сверкала в этих балетах ослепительно яркими красками. При всей поражающей новизне их музыкального языка они продолжают традиции русской танцевальной культуры.

Однако случилось так, что в течение нескольких последних деся-

тилетий на нашей балетной сцене этих произведений не было. Теперь «Жар-птица» и «Петрушка» вернулись на сцену — их восстановил Ленинградский Малый оперный театр.

Они идут в один вечер с «Орфеем». Почему с «Орфеем»? Такое соединение чисто формально. «Орфей» ничем не напоминает произведения молодого Стравинского. Вместо него мог свободно идти любой другой одноактный балет.

В «Жане Кристофе» Ромен Роллан говорил о музыке, которую пишут в плотно завешанных комнатах, в мягких удобных креслах. Такова партитура «Орфея». Каждая нота, каждая фраза выведены рукой огромного мастера, оркестровка поражает прозрачностью и изысканным изяществом. Но все эти краски лишены жизненной трепетности, музыкальная речь «Орфея» вымучена и искусственна, как язык эсперанто.

Если музыка «Орфея» холодна, но блестяща, то более человечная хореография К. Боярского лишена именно законченности, стройности, она совсем не в духе музыки. Это создает очевидный разрыв между видимым и слышимым. Исполнители по-разному пытаются ликвидировать этот разрыв. Л. Климова (Эвридика) соединяет в своем танце мягкую протяженность линий с отрешенностью общего настроения. С другой стороны, живой темперамент В. Станкевич (Кинонская женщина) «голосует» за хореографию; картинная пластика А. Хамзина (Орфей) — за музыку. А на деле это только усугубляет противоречие в целом очень скучного, статичного зрелища.

«Орфей» написан сравнительно

ны жизни, энергии, родниковой свежести, настолько же творчески усталым выглядит позднее произведение композитора.

«Жар-птица» и «Петрушка» идут в классической постановке Фокина. В восстановлении хореографического текста К. Боярский проявил и вкус, и художественный такт, и понимание стилистики фокинских композиций. Отдельные неточности и вольности не нарушают общего впечатления.

Особенно захватывающим получился в «Жар-птице» «поганый пляс» кашеева царства, менее — танцы самой жар-птицы. Ее партия построена на сильных, свободных прыжках, но как раз прыжки — самое уязвимое место техники Т. Боровниковой, отчего весь образ утратил фантастическое очарование. В «Петрушке», напротив, наименее динамичными вышли сцены масленичного гульбища, зато с поразительной силой прозвучала скорморошья драма. В. Панов в роли Петрушки соединяет кукольную угловатость движений с огромной трагической страстью. Очень хорошо передает ясный стиль фокинского танца Л. Морковина (Балерина).

Особо — о художниках. «Петрушка» идет в первоначальном оформлении Александра Бенуа, признанном шедевром декорационного искусства. Но почему вдруг так потускнел общий колорит декораций и костюмов? К «Жар-птице» театр решил сделать новое оформление и поступил неправильно. Восстанавливать классические произведения нужно во всех их компонентах.

Д. АНДРЕЕВ.

1962.  
Игорь Стравинский  
29 апреля 1962

153